

*Из книги: Веселовский А.Н. Боккаччо, его среда и сверстники: Том 2. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893-1894. стр. 237-280.*

Мы попытались выделить из *De Claris Mulieribus* их дидактическую часть; отношение к морали Корбаччо определяется настроением того или другого труда: Корбаччо — страстный памфлет, в нем поневоле преобладает отрицание; в *De Claris Mulieribus* есть место и положительным требованиям, как и в Декамероне панегирик любви чередуется с проповедью нравственности, но господствующее настроение остается пессимистическое. Это — результат опыта, приведшего к более серьезной постановке вопроса о целях жизни, не к полному нравственному равновесию; отсюда неизбежные колебания и не примиренные, может быть, бессознательные противоречия: осталось и новое, порывы свободы, лежавшие в темпераменте, в духе времени, и рядом боязливая приверженность к старому, прочному, издавна манившему обещанием покоя скорбящим и волнующимся. Эти противоречия никогда не примирялись в Боккаччо, не примирялись и в Петрарке; они могли соединять их практически, могли обманывать себя блестящей фразой, цепью афоризмов, перекидывавшихся с одного края пропасти на другой, но они их переживали. В этом отношении *De Claris Mulieribus* важнее для характеристики нравственной и умственной чересполосицы Боккаччо, чем крайний пессимизм его сатиры. Поставлен вопрос о женщине и любви; любовь, поскольку в браке она не отвечает целям человеческого размножения и супружеского целомудрия, отрицается; в противовес ей выдвинут целый сонм добродетелей и берегов; их лозунг — воздержание от всяких соблазнов. Мы в полном ригоризме, глаза даны лишь затем, чтобы вперять их в небо — а рядом пластическое изображение Елены, чувство линий и красок и восторг пред художницей-природой. — Или другое противоречие, на этот раз более широкое, противоречие развития и нравственности: идеальная женщина связана строгим обиходом семьи, культом очага; степенная, молчаливая, она напоминает «простушек», на которых обрушился юмор Декамерона — а между тем в Андрее Аччяйюли восхваляется дар изящного слова; превозносятся художницы, поэтессы, женщины, не ограничившие себя прялкой и веретеном; история культуры представляется падением, с первобытной простотой исчезли и невинные нравы — а вместе с тем именно в своей культуре Италия находит источник мировой славы. — Слава, объединяющая понятие именитых женщин, не в противоречии с нравственностью, или лишь видимо; не только она шире ее логически, но и преимущество симпатий на ее стороне; слава,

как громкое заявление личности, как увековечивающий ее момент<sup>1</sup>, слава таланта, прирожденных сил и дарований, слава подвига и великих дел, хотя бы личность была к ним косвенным поводом, герой являлся пассивным лицом, его известность выстраданной, как у Гекубы. В таких случаях нравственный критерий был неприложим, зато навязывался другой вопрос, неизбежный, тревожный и невесомый, к которому приходили невольно, выделив в жизни моменты природных данных и нравственной вменяемости и получив страшное неизвестное: колеблющееся понятие о фортуне, судьбе или промысле. Боккаччо не раз касался его в своем *De Claris Mulieribus*<sup>2</sup>, в сущности, некоторые из его глав могли бы найти место в том его сочинении, которое специально посвящено вопросу о фортуне: я разумею его трактат «О роковой участи великих людей»<sup>3</sup>. Эпитет «роковой» приготавливает нас к трагедии; трагическая судьба виднее, сам Боккаччо считает себя с юности «враждебным судьбе»<sup>4</sup>; эта идея издавна волновала его, она выведет нас из ограниченного кругозора книги об именитых женщинах на почву более общих интересов.

Долго лежала у меня моя книжица<sup>5</sup> о судьбе, или скорее, о несчастной доле знаменитых людей<sup>6</sup>, писал в 1374-и году Боккаччо к Кавальканти, ибо я колебался, кому ее направить, чье имя она могла бы украсить, да и сама пройти в люди при лучших знаменьях, чем мои. Ведь все мы, влекомые призраком славы, стараемся возвеличить, увековечить<sup>7</sup> свои труды; особенно писатели. Думал я о папе, об императоре, о каком-нибудь из великих властителей; но современные папы забыли о слове истины: царство мое не от мира сего и, обратив священное облачение в доспехи, посох в копье, помышляют о брани, ликуют о пролитии христианской крови, посягают на всемирную власть. Тогда я помыслил о нынешнем цезаре (Карле IV), но он коснеет на далеком севере, промеж снегов и кубков<sup>8</sup>. Затем мое тревожное внимание обратилось на тех, которые, украшенные царственными титулами, желают прослыть царями<sup>9</sup>; припомнился король галлов<sup>10</sup>, надменно мечтающий о себе, что родом и нравами он выше других, тогда как его вельможи

---

<sup>1</sup> Сл. сонет XXXVI.

<sup>2</sup> Гл. 13, 17, 32 и passim.

<sup>3</sup> *De Casibus Virorum illustrium*.

<sup>4</sup> Сл. выше. I, стр. 79.

<sup>5</sup> *Opusculum*.

<sup>6</sup> *Et ut plurimum infelices exitus*.

<sup>7</sup> *Dinturniores facere*.

<sup>8</sup> Сл. выше стр. 158.

<sup>9</sup> *Qui notis insigniti regiis haberi volunt*.

<sup>10</sup> *Gallus Sicamber*.

уверили его, что королю непристойно не то что философствовать<sup>1</sup>, но и знать грамоту<sup>2</sup>. — В 1374-м году во Франции царил Карл V, любитель наук, но Боккаччо увлекся риторическим шаржем, перенеся на какого-то абстрактного французского короля характеристику Филиппа VI у Петрарки<sup>3</sup>. — С таким же шаржем перебирает он далее испанца, сурового бритта, гордящегося недавней победой, двоедушного, неверного паннонца<sup>4</sup> и изнеженного короля Сицилии<sup>5</sup>: все это одни призраки королей, таковы их нравы, роскошь и недеятельность; им он не посвятит своего труда, скорее предоставит его на волю судьбе<sup>6</sup>. Тут его посетила мысль: кому лучше и надежнее доверить его, как не другу, хотя бы худородному?<sup>7</sup> Ведь делали так, и часто, именитые мужи. К чему же ищешь ты среди диких зверей, скорее рычащих, чем владеющих речью — врагов философии, когда у тебя есть друг, которого ты постоянно лелеешь в своем сердце, видишь пред своими глазами<sup>8</sup>, твой Магинардо, чью верность и любовь и щедроты ты давно испытал? К тому же ты и породнился с ним, ибо ты крестный отец его единственного сына. И Боккаччо распространяется в похвалах Кавальканти<sup>9</sup>: пусть не отринет малого дара, который его бедный друг<sup>10</sup> желал украсить царственным именем, теперь украшает его собственным; пусть, читая его книгу, исправляет, что в ней оказалось бы нескромным<sup>11</sup>, и выпустит в свет, к вящей славе своего имени, отблеск которой падет и на автора<sup>12</sup>.

Хронология этого письма определяется другими посланиями Боккаччо в Кавальканти. В письме от 20-28-го августа 1373-го года Боккаччо поздравлял друга с вступлением в брак, совершившийся незадолго перед тем; в письме от 13-го сентября того же года выражает он пожелание, чтобы Магинардо достойно воспитал ожидаемого им сына<sup>13</sup>; наконец из посвятельного послания при De Casibus видно, что Боккаччо крестил новорожденного, очевидно, заглазно, потому что после 1371-го года он не был в Неаполе. С другой стороны последние страницы De Casibus предполагают Петрарку еще в числе живых (†19-го июля 1374-го года);

---

<sup>1</sup> Philosophari.

<sup>2</sup> Verum litterarum novisse characteres.

<sup>3</sup> *Rer. Memorandarum* 1.1, посл. глава.

<sup>4</sup> Bilinguis.

<sup>5</sup> Effeminatus siculus.

<sup>6</sup> Fortunae manibus committere.

<sup>7</sup> Etiamsi extremae sortie homo sit.

<sup>8</sup> Quod in oculis tuis assidue est, quod te coram semper obambulat.

<sup>9</sup> Сл. выше стр. 165.

<sup>10</sup> Pauperis amici.

<sup>11</sup> Minus decenter se habentia.

<sup>12</sup> Цитирую по тексту, изданному мною в: *Iohannis Boccaccii ad Maghinardum de Cavalcantibus epistolae tres*. Спб., 1876, стр. 22—4.

<sup>13</sup> Futuram tibi prolem.

ясно, что книга обращена была к Кавальканти в конце 1373-го года, либо в начале следующего<sup>1</sup>.

Серьезно или нет было намерение Боккаччо посвятить свою книгу кому-нибудь из сильных мира сего, но только отрицательное отношение к современным ему представителям власти, выразившееся в послании в Кавальканти, поддерживается всем настроением его труда. Это главным образом «зерцало властителей», показывающее их с темной, позорной стороны. Из многих тем, которые автор перебирал, чтобы поработать над какою-нибудь из них на пользу общества, одна особенно привлекла его, говорит он в введении: гнусное сладострастие, насилия, тунеядство, ненасытное любостяжание правителей и власть имущих<sup>2</sup>, их кровавая ненависть и вооруженная месть и многие другие злодеяния, всюду объявляющиеся по воле небес<sup>3</sup> в ущерб общественной нравственности, попирающие законы, растлевающие доблесть. Он видит в этом указание Фортуны<sup>4</sup> и берется за перо, ибо нет дела более полезного, как образумить заблуждающихся, пробудить погрязших в смертном сне, укорить пороки и превознести добродетель. Делали это и другие, пространнее и лучше, но часто слабый голос<sup>5</sup> действует сильнее грома, и Боккаччо надеется о себе сами, или или о них рассказывает автор. Яркие примеры судьбы и личной вины вызывают то или другое общее место наставительного содержания, и морализации отведены особые главы, в ней центр тяжести; попеременно с казовыми знаменитостями, о которых говорится подробно, являются, в отдельных главах, толпы сетующих, плачущих, сраженных, печальных<sup>6</sup>: почти одни перечни имен; обыкновенно из многих выделяется один, более замечательный, которому и посвящается следующая глава.

Первыми являются прародители, едва влача дряхлые, дрожащие члены<sup>7</sup>; в связи с их грехопадением следующая глава<sup>8</sup> направлена против ослушания; время поглотило память о дальнейших событиях, потому от первого человека автор прямо переходит к первому земному царю, Немвроду<sup>9</sup> и к нареканиям против

---

<sup>1</sup> Сл. введение в мое указанное выше издание.

<sup>2</sup> Principum atque praesidentium quorumcunque.

<sup>3</sup> Ductu coelestium.

<sup>4</sup> Ratus eo me a fortuna deductum.

<sup>5</sup> Rudis notula.

<sup>6</sup> Conventus dolentium I,11, concursus infelicium I, 20 и passim: miseri, flentes, dejecti, calamitosi, tristes, lapsi, excussi, afflicti, dolentes, gementes, revoluti, infortunati, queruli.

<sup>7</sup> I, 1.

<sup>8</sup> I, 2.

<sup>9</sup> I, 3.

гордыни<sup>1</sup>, к которым возвращается не раз<sup>2</sup>. Следуют: Сатурн<sup>3</sup>, как всепоглощающее всепоглощающее время, далее Кадм<sup>4</sup>, Иокаста<sup>5</sup>; автор готовился внять просьбе Тезея и написать о нем, когда поспешно выступил злополучный сын Пелопса, Тизест: Подожди меня, я не менее заслуживаю памяти, чем Эдип и Иокаста, кричит он и принимается рассказывать о своих бедствиях и преступлениях брата. Он кончал, когда со стороны вышел, полный ожесточения, Атрей и рьяно обращает обвинение на брата; его речь полна риторических повторений и противопоставлений, реальных, но не изящных: он осквернил мое ложе, я — его трапезу (подав ему в кушанье мясо убитых им сыновей), он зачал сыновей в моей утробе, я схоронил их в его собственной, не зная, как иначе водворить на прежнее место несчастное отродье и т.д. Полный негодования автор прекращает бесчеловечный спор<sup>6</sup>, чтобы отдать свое внимание Тезею, которого идеализирует, как в старые годы в Тезеиде; нет только прежнего романтического освещения; Тезей — не только для Греции, но и для всего мира «неугасимый светоч философии», как и Афины были когда-то питомником<sup>7</sup> философов, поэтов и ораторов, вторым оком Греции. Стилем *De Claris Mulieribus* отзывается известие, что Прозерпина выдана замуж за Орка, царя молоссов; трагизм Тезеевой судьбы сводится к любви Федры к пасынку Ипполиту; сам Тезей виноват в смерти сына, ибо поверил наветам жены — и автор восстает против излишней и поспешной доверчивости<sup>8</sup>, как судьба Агамемнона вызывает похвалы бедной доле<sup>9</sup>, рассказ о Самсоне<sup>10</sup> выходку против женщин<sup>11</sup>. Иные говорят, что Самсон то же, что Геркулес; если бы я стал утверждать, что тому противоречу — не знаю, к чему бы это повело<sup>12</sup>, осторожно говорит Боккаччо. Он чувствует усталость и хочет остановиться, вот почему он разделил начатый труд<sup>13</sup> на книги и здесь положит конец первой. Мы предупреждены далее, что разделение на книги не отвечает какому-нибудь отличию содержания или направления<sup>14</sup>; Боккаччо просто

---

<sup>1</sup> I, 4.

<sup>2</sup> I, 13; II, 5; IX, 5.

<sup>3</sup> I, 5.

<sup>4</sup> I, 6.

<sup>5</sup> I, 7.

<sup>6</sup> I, 8.

<sup>7</sup> *Altrix*.

<sup>8</sup> I, 10.

<sup>9</sup> I, 15.

<sup>10</sup> I, 17.

<sup>11</sup> I, 18.

<sup>12</sup> *Quod etsi adfirmem contradixisse, nescio quid resultet*, I, 17.

<sup>13</sup> I, 19: *Quasi coeptum opus*.

<sup>14</sup> *Quantum ad intentionem summariam*.

поступил, как странники, намечающие на длинном пути известные расстояния по какому-нибудь камню, старому дубу, храму или источнику; это дает возможность легче измерить пройденный путь, полезно и для предстоящего. так и Боккаччо намерен отдыхать, дойдя до чего-нибудь особенно замечательного; такие вехи утешат и читателя надеждой, помогут его памяти<sup>1</sup>, Мы, стало быть, имеем дело с чисто внешним приемом, автор не сделал попытки распределить явления судьбы по каким-нибудь общим категориям — противодействия или вменяемости.

Казалось бы, приведенных примеров достаточно, чтобы показать, каковы силы Фортуны, какова наша брэнность и обманчивость надежды; но есть люди настолько суетные, что их не потревожат и удары грома; для них-то полезно умножить примеры. Так начинает Боккаччо свою вторую книгу<sup>2</sup>, говоря далее о Сауле<sup>3</sup> и послушании<sup>4</sup>, о Ровоаме<sup>5</sup> и о вреде гордыни<sup>6</sup>; биография Аталии<sup>7</sup> дает повод к нападкам на неумеренные желания<sup>8</sup> и к инвективе против евреев: они противны своей переменчивостью, служением то Богу, то дьяволу; напрасно они винят судьбу! Были у них боговдохновенные мужи, но они не вняли им и, по Божию попущению, сами добыли из рук Фортуны — недолгу. Эта ортодоксальная точка зрения еще усилена далее в I. VII 7 и 9: разрушение Иерусалима — достойная кара древних и новых преступлений; рассеяние народа — праведная месть Господа; они не погибли в конец, и в наше время влечат свое жалкое существование, всеми презираемые и гонимые; держатся своего суеверия<sup>9</sup>, и от них сторонятся все другие религиозные толки и исповедания<sup>10</sup>. Эти три главы о евреях освещают, по нашему мнению, религиозное мирозерцание Боккаччо в известной новелле о трех кольцах<sup>11</sup>: ее робкая проповедь терпимости перенята вместе с схемой и не выражает взглядов пересказчика.

Следуют еще во 2-й книге биография Дидоны<sup>12</sup> с такими же похвалами целомудрию<sup>13</sup>, как в *De Claris Mulieribus*<sup>14</sup>, тогда как Сарданапал<sup>1</sup> вызывает

---

<sup>1</sup> I, 19.

<sup>2</sup> Сл. аналогическое введение в I. IV.

<sup>3</sup> I, 1.

<sup>4</sup> II, 2.

<sup>5</sup> II, 4.

<sup>6</sup> II, 5.

<sup>7</sup> II, 7.

<sup>8</sup> II, 8.

<sup>9</sup> Superstitione.

<sup>10</sup> Omnibus sectis et religionibus suspecti.

<sup>11</sup> Дек. I, 3; сл. выше т. I, стр. 481 след.

<sup>12</sup> II, 10.

<sup>13</sup> II, 11.

<sup>14</sup> Сл. выше стр. 227.

нарекание против ему подобных<sup>2</sup>, легенда об Астиаге<sup>3</sup> — рассуждение о значении снов<sup>4</sup>, Меттий Суффаций<sup>5</sup> — порицание измены<sup>6</sup>. Меттий Суффаций опоздал (хронологически) на перекличку, и не мудрено, шутит Боккаччо, поместив его не в очередь: его размыкали конями, и ему понадобилось немало времени, чтобы собрать свои — члены.

До сих пор понятие Фортуны являлось повсюду, тайное и грозное, роковое и невесомое. В начале 3-й книги Боккаччо делает попытку если не уяснить его себе логически, то подойти к нему со стороны житейской практики. Ему приглянулся образ странника<sup>7</sup>; и вот, как странник останавливается порой, чтоб отдохнуть и освежиться и утолить жажду, и оглядываясь назад, измеряет пройденное пространство, припоминая виденные им города и реки, горы и долины, и как бы освобождаясь таким образом от пути<sup>8</sup>, набирается новых сил для предстоящего — так случилось и с Боккаччо: он также припоминает примеры судьбы, о которых рассказал, и стараясь обобщить их, ставит вопрос: какие причины и поводы вызвали в том или другом случае несчастную долю. Все, подвергшиеся ей, накликали ее сами, отвечает он; так говорил еще Андалоне ди Негро: наша судьба не в звездах, а в нас самих, и Боккаччо повторяет знакомый уже нам<sup>9</sup> аполог своего учителя: о том, как бедная доля, произвольно отказавшаяся от благ Фортуны, победила ее и как условием победы было, чтобы отныне всякий был сам творцом своего несчастья.

Снова проходят перед нами образы людей, сраженных роком: Тарквиний Гордый<sup>10</sup>, Аппий Клавдий<sup>11</sup>, Алкивиад<sup>12</sup>, слышатся укоризны сладострастным правителям<sup>13</sup>, стяжательным неучам-юристам<sup>14</sup> и защита Алкивиада<sup>15</sup>, переходящая в самозащиту поэта.

IV и V-я книги представляют такое же чередование биографий и морализации; введение в VI-ю выводит перед нами образ Фортуны, не

---

<sup>1</sup> II, 12.

<sup>2</sup> II, 13.

<sup>3</sup> II, 17.

<sup>4</sup> II, 18; сл. выше т. I, стр. 522, прим. 2.

<sup>5</sup> II, 22.

<sup>6</sup> II, 23: *fraus*.

<sup>7</sup> I, 19.

<sup>8</sup> *Dum toto itinere, quod praeteritum est, se eximunt.*

<sup>9</sup> Сл. выше т. I, стр. 78—9.

<sup>10</sup> III, 3.

<sup>11</sup> III, 9.

<sup>12</sup> III, 12.

<sup>13</sup> III, 4.

<sup>14</sup> III, 10.

<sup>15</sup> III, 13.

традиционный образ женщины с повязанными глазами, вращающей колесо, какою она является напр. в Любовном Видении<sup>1</sup>, а более фантастичный и грозный в своей своей туманности. Автор только что снова взялся за перо, когда предстало страшное чудовище<sup>2</sup>, Фортуна, правящая всеми делами смертных<sup>3</sup>. Боже, что у нее за рост, что за чудный облик! Глаза горят, наводя страх, выражение лица свирепое, масса волос спускается на лицо, у нее, казалось, сто рук, одежда разных цветов<sup>4</sup>, голос железный; какие у нее ноги, этого нельзя было различить. Между нею и автором происходит спор: мотив, уже предвзятый Арриго из Сеттимелло<sup>5</sup>, которого Боккаччо знал и упоминает в письме к Якову Пицценге<sup>6</sup>. — Автор испуган, ждет, что́ будет, а Фортуна уставилась на него и спрашивает: За какой тщетный труд принялся ты, неразумный, отовсюду вызывал и описывая тех, которых я возвеличила или повергла; точно ты надеешься, немногими словами объять мою необъятную деятельность и тем обратить на себя внимание? Ты трудишься, но понапрасну; неужели не было у тебя других задач? — Знаю я, — отвечает Боккаччо, — что все в этом мире переменчиво, и не моему перу изобразить тебя; если я предпринял этот труд, то для того лишь, чтоб мое имя не погибло вместе с телом. Знаю я также, что есть и другие, широкие задачи: раскрыть чудные дела и славу всемогущего Творца всем, единого и триипостасного, разъяснить мудрое устройство природы, бесконечность того, что подлежит твоей власти<sup>7</sup>. Это не по мне: нет у меня крыльев, на которых я мог бы взлететь на небо, чтобы выпытать тайны Божества и поведать их людям; если бы мне и довелось это, по милости Божьей, то нет у меня торжественности слова, вескости изречений, чтобы, при желании, передать все это потомству; сознаюсь откровенно, у меня и ум не настолько<sup>8</sup> сильный, чтобы проникнуть до причин сущего<sup>9</sup>. Мне оставалось одно: почерпнуть немного, по силам, в твоём лоне, полном человеческих дел<sup>10</sup>; ведь почерпали же там другие — сюжеты песнопений и исторических повествований. Ты порицаешь меня за низость стиля<sup>11</sup>, который не подействует на сердца; я же думаю, что именно таким стилем я буду полезен; опыт говорит за

---

<sup>1</sup> Сл. выше т. I, стр. 298–9.

<sup>2</sup> *Horridum monstrum.*

<sup>3</sup> *Rerum mortalium ministra.*

<sup>4</sup> *Varia vestis.*

<sup>5</sup> *Elegia de diversitate fortunae et philosophiae consolatione.*

<sup>6</sup> Сл. выше стр. 77.

<sup>7</sup> *Infinita ad jus tuum spectantia.*

<sup>8</sup> *Perspica.*

<sup>9</sup> *Ut rerum causas attingere possim.*

<sup>10</sup> *In gremium tuum humanarum rerum confertissimum.*

<sup>11</sup> *Nimia styli humilitate.*



меня: кони часто повинуются легким ударам, от сильных пятаются, Ахилла смягчили ласковые речи, не негодование Агамемнона. — И Боккаччо молит Фортуна — благоприятствовать его труду, дабы его, пока неизвестное имя, озарилось ее сиянием и так дошло до потомства. — Фортуна видимо смягчилась и говорит, улыбаясь: вы не в состоянии проникнуть в тайны моих намерений, потому и зовете меня неумолимой, безрассудной, изображаете слепой; это вас ослепляет вожделение. Ты в это не веришь, хотя и говоришь другое; помню я, какую позорную бранью и проклятиями ты поносил меня когда-то, величая неразумной, слепой, завистливой, убийцей, враждебной, мачехой — все за то, что я еще не исполнила твоих неразумных желаний. Больше всего было мне, что ты смеялся при рассказе, как я побеждена была Нищетой, — а теперь хочешь провести меня льстивою речью, как неопытную девчонку. Знаю я, какого ты обо мне мнения; но каково бы оно ни было, ты деятелен и не косен духом<sup>1</sup> и всеми силами стремишься к славе, этим ты поколебал меня и заставил изменить мое решение; продолжай же деятельно начатое, в мое поощрении не будет недостатка<sup>2</sup>, и твой Чертальядо и твое имя упомянутся со славой наряду с древними. — Фортуна хочет тотчас же проявить ему свою помощь: она знает, что Боккаччо недоумевает, кого ему вызвать из многих предстоявших несчастных — и сама выводит перед ним Мария, Митридата, Орода, царя парфянского, Помпея. С ними явился некто с благодушным, почтенным выражением лица, тронутого тихой грустью, степенной осанки; Боккаччо как будто признает его<sup>3</sup>, но Фортуна его предупредила: это величайший, славный между питомцами философии муж, вождь римского красноречия<sup>4</sup>, Туллий Цицерон; я ничего не скажу о его славе и бедствиях, довольная тем, что показала его тебе. Берись же за перо. — Сказав это, она исчезла.

Автор начинает с Мария<sup>5</sup>, вызывающего у него размышления о значении благородства<sup>6</sup> и кончил бы книгу Цицероном, если б новые сетующие не задержали задержали его<sup>7</sup>. Цицерон выступает молча, склонив голову; Боккаччо смотрит на него с изумлением, им овладело сознание своего бессилия: ему ли писать о нем! Но он ободряет себя: ведь облако не затемняет же солнечных лучей, мой низменный стиль выставит его в большом блеске; чего не доскажу, то доскажут другие, более

---

<sup>1</sup> Non inertis atque dejecti animi.

<sup>2</sup> Cam jam ingeniam opusque commendem tuum, dum solers coepta sequaris, orationi tuse favor non deerit meus.

<sup>3</sup> Metuenti mihi, si forte cognoscerem.

<sup>4</sup> Romani princeps eloquii.

<sup>5</sup> VI, 2.

<sup>6</sup> VI, 3.

<sup>7</sup> VI, 14, 15.

меня сведущие; может быть, и сам он вдохновит меня из таинственной обители, где теперь пребывает — и ты напишешь лучше, чем ожидаешь. С этой оговоркой<sup>1</sup> Боккаччо приступает к биографии Цицерона<sup>2</sup>, минуя политика и человека, преклоняясь перед философом и оратором, затмившим, по признанию самих афинян, не только Пизистрата и Перикла, но самого Платона, Эсхила (Эсхина?) и Демосфена. Такова была сила его красноречия, что он склонял им, куда хотел, самые неподатливые умы; разумеется, вполне судить мы о том не можем, мы читаем его, не слышим и, говоря словами другого<sup>3</sup>, в Туллии недостает лучшей части его самого. — К этому панегирику естественно примыкала<sup>4</sup> защита ораторского искусства и риторики против тех, которые, желая побить ее ее же оружием, утверждают, будто она служила обману, не потребности; защита переходит в конце в горячее восхваление человеческого слова, как орудия культуры, которое подобает блюсти и изощрить<sup>5</sup>.

В начале VII-й книги автор устал от работы; желание покоя сладко объяло его всего: не поостережешься и заснешь, это я недавно испытал, говорит он себе<sup>6</sup>, но жалобы сетующих будят его<sup>7</sup>. Перебранка Тиберия и Калигулы с Мессалиной поражает его слух: она напоминает спор Тиэста с Атреем<sup>8</sup>, но написана рельефнее, автор не поспешил на грязь, как далее<sup>9</sup> реалистически изображает последствия обжорства. Тиберий и Калигула выступают печальные, но, увидев в числе сетующих Мессалину, забыли, зачем пришли, и нападают на нее, попрекая: Ты все та же распутница, что, бывало, в одну ночь отдавалась нескольким мужчинам и, посещая, переодетая, укромные уголки<sup>10</sup>, выходила последней, усталая, но неудовлетворенная! И теперь, завидев толпу, ты пошла вслед, надеясь встретить своих любовников! Но ведь здесь обитель страданий, не сладострастья, ненасытная ты утроба! — Она отвечает смелее и откровеннее, чем можно было ожидать от такой женщины: Знаю я, что это за место, и кто сюда приходит; я явилась сюда, чтобы оплакать мою судьбу, но вижу, вы также печальны и расстались с жизнью, не менее меня запятнанные, и я пока не плачу, и мне как будто легче. Да, скажу я, хотя бы и пришлось покраснеть: я была сладострастна, похотлива; грешно это, но

---

<sup>1</sup> VI, 11.

<sup>2</sup> VI, 12.

<sup>3</sup> *Ut alienis utar verbis.*

<sup>4</sup> VI, 13.

<sup>5</sup> Сл. выше т. I, стр. 228 и *De Clar. Mul.* с. 25; сл. выше стр. 494—5.

<sup>6</sup> *Ut nisi quis caveat, facile in torporem alligetur. Quid quidem et ego nuper expertus sum.*

<sup>7</sup> VII, 1.

<sup>8</sup> I, 8.

<sup>9</sup> VII, 6.

<sup>10</sup> *Cellulas.*

есть тому и некоторые извинения. Помню я, когда отец мой допрашивал астролога<sup>1</sup> астролога<sup>1</sup> о моем рождении, тот ответил: когда рождалась твоя Мессалина, двойное отродье Латоны поднималось из преисподней к созвездию Лиры, а за ним следовал, считая его враждебным Ориону, Атлантис (Меркурий), тогда как средину неба держала Китерея с зияющей главой Дракона и Марсом, небесный круговорот уносил в глухую ночь Юпитера с его Рыбами и несчастного старца (Сатурна?) с Ганимедом, и от влияния всего этого, казалось, весь воздух вождедел Венеры<sup>2</sup>. Под наитием неба<sup>3</sup> я родилась, какою есть; это порок гнусный, но естественный; если иные утверждают, что его можно побороть мужественно, то слабой женщине послужит извинением Алкид: и он был сильнее раменами, чем духом<sup>4</sup>. Если бы меня попрекали Сципион Африканский или Марк Катон, а я выдавала бы себя за Сульпицию или супругу Оргиагонта или древнюю Лукрецию — я бы смолчала; вам я могу вернуть ваши попреки. — И она принимается рассказывать об их мерзостях, жестокости, издевается над Калигулой, требовавшим себе божеских почестей. Куда угодили вы по смерти? — спрашивает она; ведь для вас, мало Флегетона и стигийского болота<sup>5</sup>, Фурии и Плутон вами гнушаются<sup>6</sup>, ваш ваш вид противен всему Тартару. — Она говорила это быстро, не прерываясь, и Боккаччо слушает ее, наострив уши<sup>7</sup>, не только без скуки, но и с великим удовольствием, тогда как оба императора, смущенные и молчаливые, собираются уходить. В это время является чудовище света<sup>8</sup>, Нерон, как бы принуждая памятью о своих злодеяниях забыть все остальные — и Боккаччо рассказывает о нем<sup>9</sup>, припоминая знакомые Байи, гигантские статуи, вылитые по приказанию императора, обломки которых еще сохранились<sup>10</sup> — и пожар Рима, которым любит Нерон, воспевая «взятие Илиона»<sup>11</sup>.

Введение в VIII-ю книгу тесно связывается с началом VII-й. Там автор говорил о своей усталости и желании покоя; известно, что излишний покой тела

---

<sup>1</sup> Mathematicum.

<sup>2</sup> Gemina Latonae proles in nostrum Chelis detenta surgebat ab infero, quam hostem tenens Orionis Atlantiades sequebatur, coelumque medium hiulco Draconis capiti Martique suo juncta Cytherea tenebat, et suis in Piscibus Jovem atque infelicem cum Ganimedem Senem coeli vertigo in noctem profundissimam rapiebat, quibus agentibus omnis aetherea compago ruere videbatur in Venerem.

<sup>3</sup> Coelo igitur urgenti.

<sup>4</sup> Cui etsi illud humeris sustentare concessum sit, viribus tamen superare negatum est.

<sup>5</sup> Palus.

<sup>6</sup> Abominabiles estis.

<sup>7</sup> Elevatis... auribus.

<sup>8</sup> Orbis monstrum.

<sup>9</sup> VII, 4.

<sup>10</sup> Ex quibus adhuc nonnulla videntur fragmenta.

<sup>11</sup> Halosim Ilii.

враждебен уму, повторяет он теперь. Это я часто испытал по своей лени<sup>1</sup>, но на этот раз дело приняло почти трагический оборот<sup>2</sup>. Отпустив вожжи и с наслаждением<sup>3</sup> отдаваясь полнейшему безделью, я впал в столь глубокое беспамятство<sup>4</sup>, что сам себе, не только другим, казался мертвецом. Если порой, вострепнувшись, я вспоминал о начатой работе, тотчас же сдавался снова и простертый, расслабленный<sup>5</sup>, говорил себе: К чему, безрассудный, мучаешься ты в поте лица? Зачем неустанно предаешься работе, перелистывая писания древних? Ты хочешь вынудить себе славу, продлить память твоего имени, но что толку в том, что твое имя будет памятно по смерти; ведь не один ты его носишь, или будешь носить его, в таком случае ты трудишься столько же для других, сколько для себя — а ты мог бы спокойно себе тунеядствовать<sup>6</sup>. — Такие и подобные мысли подсказывала мне моя косность<sup>7</sup>, и наполовину побежденный ею, скорее совсем пораженный, я снова опустил на подушку голову, которую перед тем приподнял, подпершись рукою, когда вдруг, неизвестно откуда явившись, мне предстал муж скромный наружности, с красивым, нежно-матовым лицом<sup>8</sup>, зеленым зеленым лавром на голове; на нем царственная мантия, он внушал уважение. Боккаччо узнает в нем Петрарку, своего дорогого, почтенного учителя, наставления которого всегда были ему побуждением к добродетели, которого с юности он читал выше всех других. Увидев его, он покраснел, в сознании своей виновности, а Петрарка, посмотрев на него строго<sup>9</sup>, начинает говорить. Он наставляет Боккаччо дружелюбно и серьезно; на это у него есть право: он венчанный поэт, в лаврах и мантии, подаренной ему королем Робертом для торжественного акта на капитолии; в самой речи его к Боккаччо, в побуждениях к славе, есть отзвуки венчальной капитолийской речи. — Чего лежишь ты, прелестный профессор тунеядства?<sup>10</sup> Чего коснеешь, прислушиваясь к обманчивым убеждениям безделья? — Боккаччо смущенно опустил глаза, ждет, что тот скажет. — Уж не я ли моими поучениями так затемнил твой ум, что ты предпочитаешь покой труду? Я ведь всегда утверждал противное. Или ты забыл, что человек рождается для труда? Ты начал дело, уже близок к цели и остановился, совращенный безрассудной ленью. А дабы ты более

---

<sup>1</sup> Ignavia mea.

<sup>2</sup> Letiferum.

<sup>3</sup> Avidus.

<sup>4</sup> Soporem.

<sup>5</sup> Marcidus.

<sup>6</sup> Ignave quiscere.

<sup>7</sup> Desidia.

<sup>8</sup> Venusta facie et miti placidoque pallore conspicua.

<sup>9</sup> Acriori vultu.

<sup>10</sup> Otiorum professor egregie.

не отдавался ее обману, выслушай, что я тебе скажу. Ты недавно осудил славу — благо, к которому стремятся все люди; ищут ее на разных путях, но к ней один лишь путь — добродетель<sup>1</sup>; кто ее осуждает, осуждает и славу. Слава, дарованная небом<sup>2</sup>, освещает имена тех, кто ее заслужил, и несет их на окраины земли, тогда как имена косных погрязли во мраке; души умерших она точно по торному пути ведет в небо, в сиянии; она расширяет пределы кратковременной человеческой жизни, побеждает смерть, и постоянно питаюсь людской молвою, умаляется разве с течением долгих веков, уступая всепожирающему времени. Так дошли до нас имена Нина, Авраама, Моисея, Гомера, Аристотеля, Сципиона и Катонов, вечно юные; прославляя их, мы ощущаем удовольствие в сознании, что воздаваемое им мы можем заслужить и сами своим трудом; надеясь на этом, мы предвкушаем будущую славу. Кто считает это маловажным, тот сам себя не ценит<sup>3</sup>. Иероним и Августин и другие святые мужи предприняли свои труды в чаянии вечной славы, но я уверен, что их влекло и желание земной, ибо нам прирожден стимул, заставляющий нас денно и ночью стремиться путем доблестных дел к отличию<sup>4</sup>; от него не освободиться, если бы и захотел. Вот почему те мужи полагали столько заботы на достоинства речи и стиля — не для украшения божьего устройства<sup>5</sup>, которое в них не нуждается, а дабы таким образом всюду распространить и прославить свое имя. Этой надеждой утешались древние, утешаемся и мы, веруя, что честно добытое имя<sup>6</sup> приносит некое, хотя мы еще и не знаем, какое утешение<sup>7</sup> утешение<sup>7</sup> душе, если бы за другие заслуги она уже и обрела себе долю на небе. Древние именитые люди увековечивали себе в мраморе и бронзе; почему не делать нам того же? Ведь малодушием было бы предпочесть — разрушиться вместе с телом, чем продолжать существовать под охраной известности<sup>8</sup>. И так славой нельзя пренебрегать, попирая ее бездельем, считая чем-то пустым и лишним, а следует всеми силами стремиться к ней во имя Господа<sup>9</sup>, ибо умножая достойными делами его славу, ты обретешь в нем подателя милостей. — Сказал ты и еще нечто потешное: что твое имя могут носить или носят многие. Но что же

---

<sup>1</sup> Virtutem.

<sup>2</sup> Divino munere.

<sup>3</sup> Quod si quis parum apud mortales existimet, sui profecto non satis compos est.

<sup>4</sup> Fulgorem.

<sup>5</sup> Ad decorem divinarum operum.

<sup>6</sup> Bene quaesitum.

<sup>7</sup> Dulcedinem.

<sup>8</sup> Celebri perpetuari custodia.

<sup>9</sup> Propter Deum.

может быть противоположное любви?<sup>1</sup>, как не зависть к счастью других? Всякому свое, и те другие могут стать известными, как и ты. Слава, это всем желанное благо, простирается и на прошедшее, продолжает Петрарка советовать биографу: горбатых, хромых, калек она являет потомству красивыми, блестящими, величавыми<sup>2</sup>; постарайся, коли можешь, не преувеличить изображаемых тобою, разве так, как мы выделяем из Сципионов — Африканского, из Катонов Цензорина, из Квинциев Цинцинната, из стойков Платона, из перипатетиков Аристотеля, из поэтов Гомера или Марона — добавляя нечто к их достоинству, не измышляя, а украшая словом<sup>3</sup>. Если в памяти смертных и утратился бы чей-либо настоящий образ, он не утратится перед лицом Господа, во славу которого надлежит трудиться; блажен тот, кто вернет вдвойне врученный ему талант. И так надо делать, работать, изо всех сил напрягать ум, дабы выделиться из толпы, послужить потомству, чем предки послужили нам, дабы наше имя и слава прошли к бессмертию и о нас сказали бы, что в земном странствовании мы работали Богу, а не порокам. — Я мог бы обратиться к тебе и с более суровым укором, заключает Петрарка, но суровость нередко действует угнетающим образом, я и предпочел более мягкие речи. И так, не косней и примись за продолжение труда, коли не боишься моего гнева и бичевания.

Кончил свою речь муж, славнейший из наших современников, я же, памятуя, что никто более его не отдавал своего времени труду, глубоко пораженный правдивостью его укоров, не решался поднять на него глаза, а скорбел втихомолку, желая, чтобы он чем-нибудь меня ободрил. Он как бы угадал меня, негодование исчезло с его лица, в глазах явилась улыбка. Ты смущен, друг мой, это доказательство, что ты очистился от малодушия; этого достаточно, даже много. Встань же, не отчаивайся в моем благодушии и не давай себя увлечь ложными убеждениями. — При этих речах я воспрянул духом, хотя краска стыда еще не сходила с лица, хотел было взглянуть на учителя, но он уже исчез.

Боккаччо снова принимается за дело, переходя от биографий императоров<sup>4</sup> и их современников к Радагайсу, скифу родом и царю готов<sup>5</sup> и Одоакру<sup>6</sup>, в связи с чем стоит сетование о современном упадке Рима, когда-то властителя мира, теперь

---

<sup>1</sup> Charitati.

<sup>2</sup> Augustosque.

<sup>3</sup> Voce aliud dignum, non fingendo, dignitati superaddimus aliquid phantasiae.

<sup>4</sup> Сл. гл. VIII, 11: об Юлиане и против кощунствующих, с заметкой, что Юлиан занимался магией, как полагают иные.

<sup>5</sup> VIII, 14.

<sup>6</sup> VIII, 16: De Odoacre rutheno itaorum rege.

опустевшего, покинутого папами и императорами<sup>1</sup>, предоставленного врагам, сохранившего развалины великолепных памятников древности более в укор нашему времени, чем в память прежней славы<sup>2</sup>. Именно слава Артура и его Круглого Стола, перешедшего в народное поверье<sup>3</sup>, побудила Боккаччо заняться легендой о нем, хотя бы и мало достоверной с исторической точки зрения<sup>4</sup>: он рассказывает о войне Артура с консулом Луцием, о его борьбе с сыном, о его смерти и надеждах британцев, что он еще вернется. Все это наводит на размышление о святости сыновнего чувства<sup>5</sup>.

Я не забыл, как пристыдил меня мой достохвальный наставник, и хотя отдых не ответил желанию<sup>6</sup>, рьяно стремлюсь к положенной цели. Так начинается IX-я книга. В биографии Брунгильды<sup>7</sup> Боккаччо прибегнул к новому стилистическому приему: борьба критика, историка с его источниками представлена в виде спора автора с историческим лицом, дающим сомнительные о себе показания. Является демоническая женщина<sup>8</sup>, простоволосая, плачущая: Не забудь меня, новейший изыскатель<sup>9</sup> старых бед; ты, чай, пренебрегаешь мною, как женщиной<sup>10</sup>, но на этих волосах возлежал царский венец; я Брунгильда, когда-то королева франков, и не хуже Арсиной<sup>11</sup>, Клеопатры<sup>12</sup>, Розамунды<sup>13</sup>. — Но я не знаю твоей судьбы, в первый раз слышу твое имя! Поверить ли мне тебе? С юности я знаю, что женщины лживы<sup>14</sup>, разве с венцом ты изменила своему полу? Чем, наконец, поможет тебе мое перо, когда тебе скорей следовало бы желать забвения? — Но она просит написать в порицание тех, которые так бесчеловечно обошлись с матерью короля. Она рассказывает, Боккаччо пишет, постоянно прерывая ее и поправляя: Это не так, я слышал это иначе, ты сама виновата. Брунгильда дивится: Еще недавно ты меня не знал, а теперь стал моим судьей! Сознаюсь, заключает Боккаччо, что моя свидетельница не заслуживает особого доверия; так он освобождает себя от ответственности, если бы что оказалось неточным.

---

<sup>1</sup> A principibus derelictum ..... divinis humanisque privata.

<sup>2</sup> VIII, 17.

<sup>3</sup> In vulgi fabulam versa.

<sup>4</sup> VIII, 19.

<sup>5</sup> VIII, 20; сл. IX, 17: панегирик отеческой любви.

<sup>6</sup> Pro voluptatis desiderio.

<sup>7</sup> IX, 1.

<sup>8</sup> Immo daemon.

<sup>9</sup> Eviscerator.

<sup>10</sup> Mulierculam.

<sup>11</sup> IV, 13.

<sup>12</sup> VI, 4.

<sup>13</sup> VIII, 22.

<sup>14</sup> Bilingues.

Мы в новой истории. Ромильда, герцогиня Форли, жестоко наказана за свою похотливость<sup>1</sup>, являются лонгобарды, похожие видом на скоморохов в личинах<sup>2</sup>; судьба императора Арнульфаа, погибшего от отвратительного недуга, дает повод к игре противоположений, неэстетических в своей настойчивости: императорского величия — и императорского тела, съеденного вшами<sup>3</sup>. Рассказ о папессе Иоанне<sup>4</sup> Иоанне<sup>4</sup> повторяет, в несколько иной редакции, главу из *De Claris Mulieribus*; Боккаччо не прочь был бы распространиться о современных папах, но помнит читанное им когда-то в Священном писании: не трогайте моих помазанников<sup>5</sup>. Неистовства и разврат Андроника доводят его до позорной казни на виселице; Боккаччо не щадит здесь красок<sup>6</sup>, и его воззвание к жестоким и сластолюбцам<sup>7</sup> проникнуто грубоватой, похоронной иронией: Ну что же, венчайтесь миртом, оглашайте воздух песнями, принимайте вашего триумфатора Андроника, облеченного в одежды благого, великого Юпитера, увенчанного цветами! Принесите жертвы Венере<sup>8</sup>, устилайте свой путь трупами. Вон он где, высоко, попирает ногами воздух<sup>9</sup>: вытянув шею, смотрит на звезды и, чай, молит небожителей<sup>10</sup> упрочит крепость виселицы, чтобы его тело как-нибудь не разбилось. Поучитесь на Андронике; лев боится собаки, если верит физиологам<sup>11</sup>; мы жестокосердее животных, если судьба императора, дошедшего до позорной казни, не заставит одуматься нас, земных червей.

От Вильгельма I-го сицилийского и Констанции, дочери Рожера I<sup>12</sup> мы переходим к свевским императорам<sup>13</sup>, отрицательное отношение к которым нам известно<sup>14</sup>; зато подняты анжуйцы и французский королевский дом сияет над другими, как солнце среди звезд. Карл I-й, король Сицилии и Иерусалима, выступает не как другие: не склонив голову, не в слезах и не в печальной одежде, а мужественно и прямо, точно попирая враждебную судьбу<sup>15</sup>. Суждение о нем

---

<sup>1</sup> IX, 2.

<sup>2</sup> *Ludentes larvatos*, IX, 3.

<sup>3</sup> IX, 5.

<sup>4</sup> IX, 7.

<sup>5</sup> *Nolete tangere Christos meos*, IX, 8.

<sup>6</sup> IX, 11.

<sup>7</sup> IX, 12.

<sup>8</sup> *Currus et eximios dicite Veneri*.

<sup>9</sup> *Aërem calce premit*; сл. Дек. II, 2: давать пинка ветру.

<sup>10</sup> *Superos*.

<sup>11</sup> *Phisologis*.

<sup>12</sup> IX, 14; сл. выше стр. 222.

<sup>13</sup> IX, 16: о римском короле Генрихе, сыне Фридриха I; IX, 17: Фридрих II, Манфред, его брат Генрих.

<sup>14</sup> Сл. выше стр. 149—150.

<sup>15</sup> IX, 18.



симпатично, только казнь Конрадина набросила на него тень<sup>1</sup>; при Тальякоццо он победил не столько своею храбростью, сколько благодаря мужеству старого Аларда<sup>2</sup>; сообщается слух, будто бы сам король наложил на себя руки, и, как у Петрарки<sup>3</sup>, Джованни из Прочиды поднимает сицилийцев, оскорбленный в чести своей жены. Неподдельной симпатией дышит рассказ о деле храмовников<sup>4</sup>; правда, правда, они утратили прежнюю чистоту нравов и военную доблесть, но пострадали не по делам; вина падает на короля Филиппа; они были казнены после долгого, хотя пустяшного расследования, но ни пытки, ни просьбы друзей не побудили их повиниться в небывалых проступках, минутная слабость магистра ордена, Якова де Молэ, и нескольких его товарищей, которые позволили склонить себя к сознанию, искуплена была их всенародным, героическим заявлением, что они достойны смерти, но не за грехи, которые на них взводят, а за то, что соvrщенные уговорами папы и короля, они запятнали свой орден. Так жестоким ударом судьбы тот, кто еще недавно своим царственным блеском возбуждал зависть величайшего короля, не только очутился простым гражданином, но даже в несчастных вызвал сострадание. Это рассказывал мне отец мой, Боккаччо, купец, живший тогда в Париже, честным трудом умножая свое достояние, и бывший при том деле. Что такое героизм древних в сравнении с этим, спрашивает автор<sup>5</sup>: Феодора, замученного тираном Иеронимом, Анаксарха, выплюнувшего свой язык в лицо Никокреонту, Муция Сцевола? Они умирали особняком, всякий за свое убеждение; здесь же толпа людей, сошедшихся из разных мест, не знающих друг друга, умирает единодушно: единодушными, их сделала истина; их доблесть — *patientia*: твердость духа.

В толпе несчастных, снова являющихся на очередь, Боккаччо видит Данте Алигьери, великого поэта<sup>6</sup>; лицо его внушительно и исполнено твердости<sup>7</sup>; автор хочет восхвалить его и, поднявшись ему на встречу, говорит: Зачем, о великая краса нашего города, по праву почтенный в этом сонме сетующих, влачишь ты по-прежнему благодушно<sup>8</sup> свои стопы? Не желаешь ли, чтобы я написал о твоём отечестве и славном роде, о твоих творениях, трудном бегстве и долгом изгнании и

---

<sup>1</sup> Non absque infamia IX, 19.

<sup>2</sup> Сл. Dante Inferno 28, vv. 17—18.

<sup>3</sup> Itin. Syriacum, у Lumbroso, 1. с. стр. 34.

<sup>4</sup> IX, 21.

<sup>5</sup> IX, 22.

<sup>6</sup> Poëtam insignem.

<sup>7</sup> Patientia.

<sup>8</sup> Mansuetudine veteri.

наконец о кончине среди чуждых холмов?<sup>1</sup> Но ты знаешь, дорогой мой отец, как слабы мои силы для такой ноши. — Перестань, сын мой, так величать, так защищать меня<sup>2</sup>; я знаю твои способности<sup>3</sup> и знаю, чего я заслуживаю. Но не то у меня теперь на уме, что ты думаешь, и не затем я пришел, чтобы ты описал меня, сраженного судьбою, но негодуя на малодушие<sup>4</sup> наших граждан, я явился показать тебе того, кто учинил им вечный позор. Не опускай его, если ты считаешь себя чем-либо обязанным мне<sup>5</sup>, опиши того, что шествует за мною, домашнюю язву, неискупимый позор флорентийского имени, расскажи о его нравах и падении, дабы потомки узнали, кого изгоняют твои сограждане и кого принимают.

Боккаччо хотел было ответить, но Данте уже нет; автор видит нового пришельца, в котором узнает<sup>6</sup> Вальтера, герцога афинского, когда-то гибельного тирана Флоренции. Он шествует тихо, опустив голову и склонив глаза, такой печальный, убитый духом и силами, что в нем не признать того, кого видел<sup>7</sup>. Как изменился он с тех пор<sup>8</sup>, как он первый осмелился коварно попрасть свободные выи флорентийцев! — Следующая за тем биография Вальтера<sup>9</sup>, полная завязанного муниципального демократизма, недаром поставлена под эгидой Данте; она написана страстно и риторично, по Виллани, старым впечатлениям<sup>10</sup> и слухам: Вальтер, *как говорят*, погиб в битве при Пуатье от руки флорентийцев. Это было красиво: он пролил кровь флорентийцев, судьба покарала его тем же орудием.

За королями и именитыми мужами выходит женщина из народа, знакомая нам Филиппа из Катании<sup>11</sup>. Боккаччо находит нужным извиняться за эту дисгармонию<sup>12</sup>, хотя и ранее у него являлись на сцену рабы, простые люди, проходимцы<sup>13</sup>. Как и в *De Claris Mulieribus*, так и здесь, он имел в виду славных, не только родовитых<sup>14</sup>; кроме того, он искал и некоего соответствия: как его герои, начав со счастья, кончают несчастьем, так его книга, начинавшаяся с

---

<sup>1</sup> Collo sub alieno.

<sup>2</sup> Tam affluentem in laudes meas effundere verba et te causa partium mearum ostendere?

<sup>3</sup> Ingenium.

<sup>4</sup> Secordiam.

<sup>5</sup> Si quid mihi debes.

<sup>6</sup> Adverti novique.

<sup>7</sup> Ut non eum dicas, quem videras.

<sup>8</sup> O quam mutatus ab illo.

<sup>9</sup> IX, 24; сл. выше т. I, стр. 178 след.; II, 163.

<sup>10</sup> Quam videras IX, 23; сл. 24; quem cum suis omnibus dixisses facile in sanguinem inermium ruiturum.

<sup>11</sup> Сл. выше т. I, стр. 371—2, 375, 382.

<sup>12</sup> IX, 25.

<sup>13</sup> Сл. V, 14, 15, 18.

<sup>14</sup> Claros non nobiles tantum.

благороднейшего из мужей, Адама, кончается безродной<sup>1</sup> женщиной из плебса. Это такая же игра в риторизм, как в *De Claris Mulieribus*, где Евва и королева Джованна противопоставлены друг другу<sup>2</sup>. — К тому же, продолжает Боккаччо, судьба Филиппы мало кому известна, о ней нельзя узнать из писаний, а лишь из рассказов<sup>3</sup>; сам он кое о чем слышал, иное видел собственными глазами; за последнее он отвечает, что до первого, то если бы объявилось что-либо более правдивое, его винить не следует, ибо он посильно искал истины. Когда еще юношей<sup>4</sup> он вращался при дворе короля Роберта, он знал двух стариков: Марина Булгаро с Искии<sup>5</sup>, человека храброго, обладавшего громадной памятью, с юности искуснейшего в морском деле, и калабрийца Константина де Рокка, почтенного как по летам, так и по достоинствам; им знакомы были древние роды и гербы придворных<sup>6</sup>, они и рассказали ему о прежних судьбах Филиппы до ее выхода замуж за эфиопа Раймунда и повышения его в рыцари. — Марян Булгаро, вероятно, тождествен с Марипом Болгаро новеллы Декамерона V, 6, героиней которой является его дочь, Реститута. — Далее Боккаччо рассказывает о том, чего сам чуть не видел, его был почти свидетелем<sup>7</sup>: о возраставшем влиянии Филиппы, смерти Роберта и начале распрей между Джованной и мужем — и убийстве Андрея. Рассказ видимо сдержанный в подробностях, которые могли бы нас особенно заинтересовать: кто были убийцы и каким образом совершилось убийство, это — не к делу<sup>8</sup>; графу Гуго Авеллино поручено было расследовать преступление; он заключил в тюрьму несколько лиц, между прочим Филиппу, по каким соображениям — не знаю; добились ли от них чего-либо пыткой — неизвестно; в их виновность верили<sup>9</sup>, и они казнены.

В новом сонме жалующихся<sup>10</sup> является и французский король Иоанн, пораженный самым недеятельным, трусливым и немужественным в свете народом<sup>11</sup> и отвезенный пленником в Англию. Подразумевается поражение в битве при Пуатье<sup>12</sup>; характеристика англичан та же, что у Петрарки<sup>1</sup>. Но пора и

---

<sup>1</sup> Degenerem.

<sup>2</sup> Сл. выше стр. 218.

<sup>3</sup> Nec ex literis, sed relatibus.

<sup>4</sup> Adulescentulo.

<sup>5</sup> Origine Issulanus; в друг. изд.: sclavus.

<sup>6</sup> Antiquitates seu stemmata curialium recensentes.

<sup>7</sup> Quae fere viderim ipse.

<sup>8</sup> Qui fuerint, quo ordine in mortom juvenis itum est, instantis exercitii non est.

<sup>9</sup> Pro constanti habitum est.

<sup>10</sup> IX, 27.

<sup>11</sup> Inertissimis atque pavidis et nullius valoris hominibus.

<sup>12</sup> Сл. выше стр. 103, 211.

успокоиться, говорит Боккаччо: по милости Божией моя утлая ладья, пройдя по бурному морю царственных скорбей, опасностей, слез и гибелей, дошла наконец до своей цели. Если автор отступил кое-где от истины, пусть вменяют это его незнанию, не самомнению, и да простят его более сведущие<sup>2</sup> во имя сладчайшей и преславной философии<sup>3</sup>, особенно Петрарка, мой лавроувенчаный учитель, блестящее зеркало нравов, светило назидательных знаний; пусть дополнят недостающее в его труде, удалят лишнее, исправят несогласное с христианской религией либо философской истиной — хотя, по мнению автора, ничего такого у него нет. Я возблагодарю Господа, подателя милостей, если моя книга обратит кого-нибудь к самосознанию и смирению; и да откроют глаза сильные мира сего, да поучатся и исправятся, и коли им случится пасть, пусть будет это не по их вине, а по злобе<sup>4</sup> всем вращающей фортуны. Ты же, малая моя книжка, здравствуй долго, блюдя имя и славу Магинарда и мою<sup>5</sup>.

Возвращением к сильным мира сего кончается трактат, назначенный направить их на путь добра примерами судьбы. Сильные мира сего — это люди, возвышенные счастьем и поверженные им, преимущественно цари, правители, тираны, государственные деятели. Этот выбор дает основной тон морализации: в ней слышатся общественные мотивы, поднятые риторизмом.

В общем нравственные взгляды De Casibus отличаются той же суровостью, тем же боязливым поворотом к старине, как в Корбаччо и трактате об именитых женщинах. Начать хоть с вопроса, капитального для того и другого: женщина и любовь. Евва создана была на утеху мужа, не на беспокойство, как нынешние жены<sup>6</sup>; женщины — вреднейшее отродье, безумное, вероломное, ветреное, лживое, ненасытно-сладострастное<sup>7</sup>; когда они разгневаны, нет жесточе их, они не удовлетворяются тем, что видели плоды своей мести, а хотят, чтобы о ней знала вся улица<sup>8</sup>. Особенно ярка отрицательная характеристика женщин, вызванная предательством Далилы<sup>9</sup>: они — милое и вместе смертельное зло<sup>10</sup>, которое не многим удастся познать, прежде чем они его испытали. Низверженные Богом за ослушание, они не к тому стремятся, чтобы вернуть себе прежнее положение, а по

---

<sup>1</sup> Fam. XXII, 14.

<sup>2</sup> Prudentiores.

<sup>3</sup> Per dulce atque praeclarum decus philosophiae.

<sup>4</sup> Protervia.

<sup>5</sup> Tempus nominis atque famaе.

<sup>6</sup> I, 1: sollicitudinem.

<sup>7</sup> I, 10: effrene, infidum.

<sup>8</sup> IV, 12; сл. VIII, 23.

<sup>9</sup> I, 18.

<sup>10</sup> Blandum et exitiale.

какой-то врожденной злобе<sup>1</sup> строят ковы бедным мужчинам. Они знают, что в них нравится: свежие краски лица<sup>2</sup>, смеющиеся либо серьезные голубые глаза<sup>3</sup>, золотистые, кудрявые волосы, благовонные уста, продолговатый носик, алебастровая<sup>4</sup> шея, прямо выходящая из полных<sup>5</sup> плеч, грудь, вздымающаяся двойной округлостью, длинные руки с тонкими ладонями и продолговатыми пальцами, стройное тело<sup>6</sup> и маленькая ножка; но не удовлетворяясь этими дарами природы, они ухитряются присоединить к ним и другое, отвечающее их цели, советуются друг с другом, с великим остроумием устраняя лишнее и дополняя недостатки. Следующие выходки напоминают дамскую уборную в Корбаччо и новеллу Саккетти<sup>7</sup>, где художники спорят, кому после Джотто принадлежит пальма пальма первенства в живописи, а Альберто Арнольди решает, что женщинам: девушку, страдающую излишней худобой, они делают полной, питая ее сладкими яствами и питьями<sup>8</sup>, полную — гибкой, как тростник, постом, либо виноградными зернами<sup>9</sup>; кривую и хроющую прямой, поднятое плечо низким и наоборот, малорослую — высокой. Говорит ли об опухолях на руках<sup>10</sup>, о веснушках на лице? От всего они пользуются, не спросив Гиппократ: темные волосы они обращают посредством настоек<sup>11</sup> в золотистые, торчащие с помощью щипцов в завитые, ножницами разъединяют слипшиеся брови, выводят их тонким, полукругом и чернят впрок<sup>12</sup>; недостающие зубы заменяют зубами из слоновой кости, почерневшие красят и чистят всякими снадобьями<sup>13</sup>; волосы на лице, которые не сняла бритва, устраняет тонкое стеклышко, оно тончит кожу; поблекшее лицо и губы красятся, идут в ход и другие сноровки, так что в конце концов неряшливые и безобразные представляются вам самой Венерой. У меня устало бы перо и не хватило бы бумаги, если б я захотел описать, как убирают они волосы, то обертывая их вокруг головы, то плетя, то взбивая<sup>14</sup>, как украшают их цветами, кораллами<sup>15</sup>, драгоценным узорочьем<sup>1</sup>, венками и тончайшими вуалями, немного

---

<sup>1</sup> Malitiam.

<sup>2</sup> Faciem roseo colore et vivido fulgidam.

<sup>3</sup> Oculoa laetos, graves atque ceruleos.

<sup>4</sup> Eburneus.

<sup>5</sup> Rotundis.

<sup>6</sup> Gracile.

<sup>7</sup> №136.

<sup>8</sup> Mellitis cibis et oftis.

<sup>9</sup> Acinis.

<sup>10</sup> Tumerositates.

<sup>11</sup> Aquis.

<sup>12</sup> Perpetua nigredine.

<sup>13</sup> Pigmentis gemmisque.

<sup>14</sup> Hos circumvolvunt capiti, illos in nodum agunt, alios in cumulos.

<sup>15</sup> Corallis.

отпущенными на волю ветра; в какие платья они рядятся, что твой царский пурпур, причем одна следует моде аллоброгов, другая эдуев, киприйцев или египтян, греков или арабов, ибо итальянская не удовлетворяет. — Это старые нарекания против излишеств дамских мод, которые вызывали и правительственные постановления и сатиру<sup>2</sup>. — Отуманивая таким образом умы мужчин, они тонко поняли, какими способами разжигать их, полуобнажая то прелесть персей, то ногу; они знают, как смотреть, как сладострастно повести глазами, какая улыбка идет к лицу, и умеют вовремя показать, что не желают совсем того, чего вожделеют. Но мне ли, несведущему (*nescius*), поведать об их уловках? Это тоже, что пересчитать звезды или морской песок; делается это на глазах у всех, а какие у них наедине<sup>3</sup> медовые речи, какие ласки и неги, какие, коли понадобятся, слезы, всегда готовые к их услугам — об этом лучше умолчать. На все это попадают мужчины; примеры: Адам, Парис, Тиэст, Пирр, Геркулес, Самсон; что еще позорнее<sup>4</sup>, попадают не только в том возрасте, когда особенно сильно разгорается пламя Амура, но и люди стареющиеся<sup>5</sup>. О, женщина, сладчайшая и вместе смертельная утеха, что можешь ты увидеть, чего бы не пожелала<sup>6</sup>, что пожелать, чего не осмелилась бы получить, на что бы осмелилась, чего бы не получила? Автор приглашает юношей вспомнить судьбу Трои, Агамемнона, Геркулеса, Самсона, какие мерзости, противные даже коршунам<sup>7</sup>, скрываются под обманчивой краской лица, под золотыми и пурпурными одеждами. О, если бы мы познали здраво, кто мы и на что рождены, и, свободные, негодующие, не позволили бы себе нести иго столь необузданного животного! — Ибо женщина — животное жестокое<sup>8</sup>, гневное, вероломное, сладострастное, свирепое<sup>9</sup>, жадное до суетного, не до верного; это — Далила, Даная, отдавшиеся из-за золота, Филлида, повесившаяся в нетерпении из-за любви к Демофону; Клитемнестра, Египтянка, соблазвившая Соломона, Медея и др. Скажут: даже Самсон и Геркулес были побеждены, не то, что мы; к тому же следует заботиться о продолжении рода, да и не все женщины достойны осуждения. Да, мы не совершаем подвигов Геркулеса, но мужественностью, твердостью можем превзойти его, отдавшегося сладострастью. Ведь Улисса не

---

<sup>1</sup> *Auriis gemmisque infulis.*

<sup>2</sup> Сл. выше т. I, стр. 49, 469 и *Sacchetti, Canzone distesa contra alle nuove fogge; Canzone contra alla portatura delle donne fiorentine* и др.

<sup>3</sup> *In conclavi.*

<sup>4</sup> *Turpius.*

<sup>5</sup> *Senescentibus.*

<sup>6</sup> *Quid concupiscere potes, quin velis.*

<sup>7</sup> *Vulturibus.*

<sup>8</sup> *Amarissimum.*

<sup>9</sup> *Truculentum.*

победила ни Калипсо, ни Сирены; прежде всего надо победить самого себя. Я не отрицаю, что к женам подобает стремиться ради потомства, но не следует подчиняться им, не давать им над собой власти, а не разделять ее с ними, не доверять их слезам и жалобам, беречься их коварства, как смертельного врага. Разумеется, и между ними есть благочестивые<sup>1</sup>, скромные, святые, достойные всякого уважения, не только христианки, но и язычницы; коли таковые встретятся, их следует любить и почитать паче мужчин; но они встречаются редко и потому, дабы в поисках за Лукрецией не попасть на Кальпурнию или Семиронию, я полагаю, что лучше — избегать их всех.

Мизогонизм этих страниц оставляет за собою соответствующие нападки *De Claris Mulieribus*; как будто самая глава написана под впечатлением слепой ожесточенности Корбаччо. Личный момент я склонен усмотреть и в том, что любовь позорно овладевает даже людьми стареющими, не сознающими, кто они и на что рождены: это мотивы Корбаччо. Как там<sup>2</sup>, описываются подробно тайны дамского туалета, с отвращением — и видимым интересом; раскрываются уловки женщин, чтобы опутать мужчин, хотя автор утверждает, с невинным видом, что в этом деле он не сведущ; он, дозволивший назвать себя в Корбаччо «знатоком женщин»! Он их не только знает, но и продолжает любить, это чувствуется в самой страстности его укоризн; старый грешник остался в суровом ригористе: в женщинах гибель, но и блаженство; она сделает все, что захочет, потому что мир ей принадлежит, говорит он в *De Claris Mulieribus*. По-прежнему он любит формы женского тела, и его эстетический идеал тот же<sup>3</sup>; когда любовник Арзиной убит в ее объятиях и она держит его, обгаренная его кровью, не может наглядеться на его красоту, зовут его и целует, как бы допытываясь в нем жизни<sup>4</sup>. — Боккаччо забывается в художественности трагического положения; но следующая глава<sup>5</sup> спешит все исправить: красота пагубна, и похвально поступил Спуринна, исказивший свою красоту, ибо она увлекает к любви. Ее тревоги, опасности и пагубные последствия напоминают такое же общее начало в *De Claris Mulieribus*<sup>6</sup>, образ лабиринта — план Корбаччо: кто попадет в этот лабиринт, того

---

<sup>1</sup> Piae.

<sup>2</sup> Сл. выше стр.

<sup>3</sup> Сл. выше т. I, стр.

<sup>4</sup> IV, 18.

<sup>5</sup> IV, 19.

<sup>6</sup> Сл. выше стр.

либо изгоняют из него, обманутого, долго поведив, либо увлеченный ложной надеждой, проплутав, он погибает от усталости, либо гибнет в западне<sup>1</sup>.

То же понимание любви, как исключительно плотской, грешной страсти<sup>2</sup>, развивается в I.Ш,4 с сходными аргументами, но в ином приложении: мы входим в область обличений, направленных против сильных мира сего. Во-первых, против сладострастных правителей, не знающих границ своим вожделениям: они посещают храмы, площади, все места, где могут встретить красиво одетых дам, на всех глазают, всех одинаково желают, ухаживают, улещают, насильничают и хвалятся в песнях осквернением супружеских лож. Когда их порицают за это, они ссылаются на Давида, Самсона и Соломона; ведь любовь в юные годы — дело природы и не грех; наконец, они над собою властны, никому не делают вреда, а под старость остепенятся. Что за безумие! Согрешили и Давид, и Самсон, и Соломон, и за это были наказаны; да они и славны не одним лишь любострастием; к чему же подражать им в этом одном? Вы как коршун, день деньской кружащаяся на простертых крыльях и опускающийся не на годное, а на падаль. Правда: все мы естественно подвержены вожделению в видах умножения рода, но совершать это вне закона — не юношеская забава, а издевательство<sup>3</sup>; да в эти лета не следует подстрекать страсть, давая волю глазам, а тем строже сдерживать ее. На силы вожделения ссылаться нечего: пусть вспомнят Сципиона Африканского, речи Сифакса за Софонизбу, Катона, Цицерона, Друза, юных лет, предпочитавших муки бесчестию. Для обуздания страсти есть брак. А что будто бы всякий волен в своем, то и это несправедливо: и по отношению к себе самому не все дозволено, на то разум поставил нам законы, в числе их и такие, которые оберегают честь женщин. С другой стороны, что может быть глупее, как довериться всецело охране человека, чтобы обрести в нем — осквернителя своей чести! Ибо я не обеспечен, если мой дом запятнан прелюбодеянием, на мое лицо наведена краска стыда. Пусть помнят это правители: человек все скорее перенесет, чем бесчестье; тому примеры насилие над Лукрецией, судьба Аппия Клавдия, пожар Трои из-за Елена, колена Вениаминово, чуть не истребленное<sup>4</sup> из-за соблазненной супруги левита. Наконец, есть еще и вопрос о здоровье: излишества сладострастья притупляют ум и память, надрывают силы; оно враг здоровья; если кто и доживает до старости, бывает

---

<sup>1</sup> Ab insidiis male sanus opprimitur.

<sup>2</sup> Сл. De Claris Mulieribus, выше стр.

<sup>3</sup> Non..... ludus, sed ludibirum.

<sup>4</sup> Desolatum.



подвержен разным недугам, не только обречен на воздержание, но и оплакивает грехи пылкой юности.

Типом царственного распутства и безумной роскоши является Сарданапал<sup>1</sup>; были мудрые изобретатели, Фороней, Сатурн, Эрихтопий; Сарданапал явился и затмил их славу введением мягких лож, драгоценных кубков, изысканных яств, благовоний и мазей, возбуждающих любовь. Подробно и реально говорится об его образе жизни среди неги и разврата; но Сарданапал не один<sup>2</sup>, характеристика невольно обобщается. При дворах царит не только разврат, но и наущничанье и легковерие: сам я нередко видел, говорит Боккаччо, привязавшись к вопросу о легковерии Тезея<sup>3</sup>, что правители показывались не иначе, как окруженные стражей, дома держали привратников, и из боязни отравы, людей, предвкушавших явства и питья — а вместе с тем склоняли слух ко всякой речи, не боясь яда, вселяющегося таким путем в души. — И отрицания накаплиются; говоря<sup>4</sup> о помазании Саула на царство, Боккаччо восклицает: О, счастливое событие — если верить мнению толпы! А через несколько глав<sup>5</sup> укоры против гордых или надменных метят именно в царей: на них взводятся всевозможные преступления, они отождествлены с тиранами, свергнуть, убить их — святое дело; О, священная римская свобода! ты существовала бы вечно, если бы поднималась всякий раз во всеоружии мести на распутных правителей, памятуя, что дважды ты была искуплена непорочной кровью! Но нам не помочь людям, которых Господь осудил на гибель<sup>6</sup>.

Эти яркие выходки против тиранов, вычитанные из классиков, получали для Боккаччо живой смысл, риторическая фраза становилась для него выражением пережитого, реального: он сам видел тиранию герцога афинского, знает, чего стоит малодушная, изменническая толпа<sup>7</sup>, как несносно-чванны разбогатевшие проходимцы<sup>8</sup>, а память Регула<sup>9</sup> вызывает целую филиппику против флорентийцев: флорентийцев: у них один интерес — хищничество, грабить мирское или церковное, лишь бы не попасться; добившись всякими неправедными путями почестей и богатства, они не стыдятся говорить о своей бедности, дабы избежать общественных тягот; дочерям дают богатое приданое, свадьбы празднуют по-

---

<sup>1</sup> II, 12.

<sup>2</sup> II, 13; сл. сон. LVI: Apizio legge nelle nostre scole — E'l re Sardanapalo.

<sup>3</sup> I, 10.

<sup>4</sup> II, 1.

<sup>5</sup> II, 5.

<sup>6</sup> III, 9; сл. III, 2.

<sup>7</sup> IV, 2.

<sup>8</sup> V, 18.

<sup>9</sup> V, 4.

царски, рядят жен, держат лошадей и собак — а на общественное дело у них нет денег; а мы ведь прежде всего родились для отечества, и лишь потом для себя. Увещание к нарушителям клятвы также обращено против богатых.

Политическое и общественное мирозерцание Боккаччо нам знакомо<sup>1</sup> и соответствующие эпизоды *De Casibus* тому не противоречат: демократизм Боккаччо не принципиальный, а личный, сильное сознание личной свободы, щепетильное и подозрительное ко всякому игу, соединялось в нем с интересом к вопросам флорентийской самостоятельности; из этих двух элементов создался его гражданский идеал, воплотивший в его субъективном понимании Данте: забыты вопросы времени, гвельфы и гибеллины и значение партии; Данте — великий человек, не поступившийся своей свободой даже под ударами судьбы.

Но что такое судьба, фортуна, *Rhamnusia* юношеских писем, навеянная Овидием или Генрихом из Сеттимелло?<sup>2</sup> В *De Casibus* это основной мотив. Если в книге о знаменитых женщинах Боккаччо пытался разрешить некоторые из тревоживших его вопросов: любовь и нравственность, добродетель и слава, то этические задачи *De Casibus* можно бы формулировать таким образом: судьба и призвание. И в последнем случае решение получилось такое же двойственное, полное внутренних противоречий; вопрос не подвинулся с тех пор, как в юношеских письмах Боккаччо подписывался «враждебный судьбе»<sup>3</sup>, поднимал эти вопросы и в *Декамероне*<sup>4</sup>. Впрочем сам он спешит признаться, что ограничится примерами, не пускаясь в исследования причин<sup>5</sup>, в обобщения.

Судьба, Фортуна — это Бог, говорится в введении, но в ее содержании нет ничего христианского: ни идея воздаяния, ни идеи искупления, ни подчинения идее промысла, как у Боэция. Иной раз она прозорлива, не баловала Боккаччо, пока его желания были неразумны, и сулит ему славу, познав высоту его стремлений<sup>6</sup>; в других случаях она жестока и несправедлива; ее пути, ухищрения<sup>7</sup>, повороты<sup>8</sup> и неисповедимы, и капризны. Часто, взвев с земли мелкие соломинки<sup>9</sup>, она возносит возносит их чудовищными тучами, застилает, как бы пресытившись игрой,

---

<sup>1</sup> Сл. выше, т. I, стр. 147 след.

<sup>2</sup> Сл. выше т. I, стр. 79 и *Ov. Trist.* V, 8, 9; *Metam.* III, 406. Сл. *Claud. Bell. Get.* 631 и *Apul. Metam.* XI, t. 1, стр. 763 (ed. *Lugd. Batav.*).

<sup>3</sup> Сл. выше т. I, стр. 79.

<sup>4</sup> Сл. выше т. I, стр. 487 след.; к приведенной там литературе следует присоединить сербскую сказку, сообщенную Велашевичем в *Просвјета* I, св. VII.

<sup>5</sup> VI, 1.

<sup>6</sup> I, с.

<sup>7</sup> I, 9: *artes*.

<sup>8</sup> I, 20: *revolutionibus*.

<sup>9</sup> IV, 13: *tritas. ... paleas*.

обращает в дождь, который омывает дороги, а, может быть, очищает и клоаки<sup>1</sup> — и и бедные люди обманутые ею, ошеломленные, точно во сне или под влиянием волшебного миража<sup>2</sup> не зная, что делать, хватаются за воздух и тщетно сетуют на глазах у коварной<sup>3</sup>. Аполлог ди Негро<sup>4</sup> пытается схватить ее неуловимый образ — определением: будто бы несчастная доля по большей части заслужена; но Дидону судьба обидела<sup>5</sup>, на философа Каллисфена она ожесточилась<sup>6</sup>, поразила Данте<sup>7</sup> бесправно и незаслуженно. Чувство справедливости оскорблено, но нравственное удовлетворение является в сознании правоты, исполненного долга, в доблести, *virtus*: где она, там нет удела судьбе<sup>8</sup>, даже испытывая позор, доблесть не подчиняется фортуне<sup>9</sup>, мужественно перенося утрату царств, оскорбления, смерть детей, тяжесть нищеты<sup>10</sup>. В этом самосознании, торжествующем над ударами судьбы, нет ничего специально-христианского; оно подлежит этической — но и эстетической оценке: нет ничего прекраснее, как встретить неминуемую смерть так же безбоязненно, как жили<sup>11</sup>.

Есть и доля, действительно заслуженная<sup>12</sup>; когда люди превысили свои требования от жизни, увлеклись не в меру погоней за счастьем, они платятся за это; в таких случаях, чем больше бывает счастья, тем ближе падение<sup>13</sup>, и слепой оказывается не фортуна, а люди, не умеряющие своей воли послушанием<sup>14</sup>, грешащие гордыней<sup>15</sup> и ненасытным вожделением<sup>16</sup>, полагающие свое благо в суетном, когда следовало бы смириться, припав к краеугольному камню — Христу<sup>17</sup>; спасение в смирении<sup>18</sup>, в бедности<sup>19</sup>, то есть в ограничении желаний<sup>20</sup>.

Но как быть, когда эти желания лежат в лучшей стороне нашей природы, в энергии таланта, требующей исхода, осуществления? Сам Боккаччо ощущает в

---

<sup>1</sup> I. c.: qua nescio, utrum dicam, an terrae persaepe lavari vias, an fetidas lavari cloacas.

<sup>2</sup> V, 13: ambages magicas.

<sup>3</sup> I. c.: jocularis.

<sup>4</sup> III, 1 и введение.

<sup>5</sup> II, 9: injuriam.

<sup>6</sup> IV, 7: saevientis fortunae.

<sup>7</sup> IX, 23.

<sup>8</sup> V, 4: ibi nullas partes esse fortunae.

<sup>9</sup> VIII, 4: ignorat fortunae succumbere.

<sup>10</sup> IX, 22.

<sup>11</sup> IV, 12.

<sup>12</sup> V, 5, VI, 1.

<sup>13</sup> I, 12, III, 3.

<sup>14</sup> I, 2.

<sup>15</sup> I, 4.

<sup>16</sup> III, 7.

<sup>17</sup> I, 18.

<sup>18</sup> II, 8, 16, IV, 7: humilitas.

<sup>19</sup> I, 15, III, 1, 17, VIII, 17; см. выше стр. 199—200.

<sup>20</sup> Gen. Deor. I. XIV, c. 4: si desiderio careat angendi.

себе эти стремления<sup>1</sup>, прирожденное благородство, которое он отделял от вопросов вопросов крови и наследственности<sup>2</sup>; и в простом человеке таится нередко великий великий дух<sup>3</sup>, говорит он и пытается извинить Алкивиада, с видимой симпатией к его блестящему образу<sup>4</sup>. Да, он сам виноват в своих несчастиях, я не отрицаю того, но редко кто бывает доволен своей участью; наш дух небесного происхождения, и ему присуща огневая сила, и неутолимая жажда славы. Если он благороден и не коснеет в теле, ему тесно в груди: он рвется наружу, обнимая весь мир, возносясь к звездам, вождедея великого, как бы стремясь к своей родине, иногда падая. Это участь великих<sup>5</sup>, энергических умов; от недеятельности слабеют и телесные, и духовные силы, как блестящие предметы ржавеют от неупотребления; Алкивиад многое испытал и перенес, за то его имя сияет в потомстве, тогда как другие утратили его вместе с телом, хотя они были столь же родовиты и представлялась возможность проявить себя. Итак, надо действовать<sup>6</sup>, славный путь к небу открыт<sup>7</sup>, открыт<sup>7</sup>, надо стремиться всеми силами, дабы, предавшись покою, не подпасть вечным мукам.

От панегирика практической деятельности Боккаччо естественно переходит к вопросу о своем призвании<sup>8</sup>. Ему говорили: Теперь ты порицаешь косность, покой, *otium*, а в других случаях превозносил безделье, то есть, поэтическое; и он выступил за равноправность всех профессий. Поэзия такое же серьезное дело, как и всякое другое, она требует досуга<sup>9</sup> — и он приводит в ее защиту мотивы письма Петрарки к брату Герарду, главный источник всех его размышлений о задачах поэзии.

Таков в *De Casibus* анализ идеи судьбы; он интересен для мирозерцания раннего гуманизма, как попытка выяснить ее из наблюдения чисто человеческих отношений, не исходя их христианской догмы, но применительно к ней; вместе с тем, как попытка свести классическое представление о фортуне к идее промысла, но обходя его частные определения. В результате получился ряд выводов, не примиренных в цельном синтезе; они не примирились и в Боккаччо. В этом отношении его *De Casibus*, как и большая часть его гуманистических трудов,

---

<sup>1</sup> Сл. выше стр. 182 в письме к Заноби.

<sup>2</sup> II, 17, V, 4, VI, 8, IX, 16; сл. выше стр. 48 след.

<sup>3</sup> II, 5.

<sup>4</sup> III, 13.

<sup>5</sup> *Ingentium spirituum*.

<sup>6</sup> *Agendum igitur est*; сл. VIII, 1 обращение Петрарки: *Ergo agendum est, laborandum est*.

<sup>7</sup> *Clarum est iter stratum ad superos*.

<sup>8</sup> III, 14.

<sup>9</sup> Сл. выше стр. 173—4.

интересен для его психологии: вопросы, которые он поднимает, действительно и глубоко его волновали, и он пытался разобраться в них средствами эрудиции; выводы из *De Casibus* освещают его тревожное письмо к Петрарке по поводу миланского инцидента. Он чувствует призвание поэта, литератора — и старается успокоить себя идеей смирения, ограничений желаний, которые уберегут его от ударов судьбы, оградят свободу и душевный покой. Но бедность не обеспечивает поэтического досуга; надо крепость духа, выдержка, *virtus*, чтобы в борьбе с лишениями и невзгодами жизни остаться на высоте идеала, не поступившись своим достоинством.

*Из книги: Веселовский А.Н. Боккаччо, его среда и сверстники: Том 2. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1893-1894. стр. 237-280.*